

Тень и Свет

Злата Лисова

18+

Злата Лисова

Красная нить

«Автор»

2026

Лисова З.

Красная нить / З. Лисова — «Автор», 2026

Никто не обещал ей спасения. Александра просыпается в пещере — и понимает, что прежней жизни больше нет. Её похитили. Ей лгали. Человек, которого она почти полюбила, оказался Хаосом. Мальчишка-ученик — древним божеством. А единственный, кто не предал, не знает всей правды. Теперь у неё есть выбор: остаться в стороне, пока миры рушатся, или стать ключом. Но у ключа нет права на ошибку. У ключа нет права на слабость. И у ключа точно нет права на любовь. Хотя именно любовь окажется единственным, что имеет значение.

© Лисова З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Внимание	5
Глава 1. Остывающий рассвет	6
Глава 2. Полумесяц	9
Глава 3. Когда умирает порядок	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Злата Лисова

Красная нить

Внимание

Копировать мои произведения — нарушение закона. Согласно статье 1229 Гражданского кодекса Российской Федерации, я обладаю исключительным правом на свои работы. Это значит: только я решаю, как и когда их использовать. Другие лица не вправе воспроизводить, распространять или иным образом эксплуатировать моё творчество без моего прямого согласия.

Глава 1. Остывающий рассвет

Мой дом висит на высоком холме, усаженном кустарниками и цветами, — словно пагода¹, прильнувшая к склону, чтобы лучше слушать шёпот ветра. Под ним — весь город, утопающий в предрассветной дымке: тонкая вуаль тумана стелется по крышам, приглушая цвета до оттенков старой гравюры. Лабиринт черепичных крыш, узкие улочки-вены и тусклые огни фонарей, которые скоро растворятся в молочном тумане, будто угасающие угли в остывающем очаге. Я встаю до восхода. Всегда. Ну или почти всегда.

Первым делом — вода. Мидзу². Холодная и живая, она бежит из каменной чаши в сад, звеня, как натянутая струна кото. Мои мандариновые деревья невысоки, их не больше десятка, но в этот час они — целый мир, наполненный терпким духом юдзу и горьковатой свежестью утреннего воздуха. Я провожу ладонью по шершавым листьям, чувствуя под пальцами тонкую сеть прожилок, словно читаю тайные письма природы. Наслаждаясь своей работой, я замираю на миг, вслушиваясь в тишину, что звенит чище любого колокольного звона. Опускаю глаза. Среди корней притаились скромные цветы — хризантемы и гортензии, символы стойкости и тоски: тяжёлые головки гортензий отливают синевой, будто впитали в себя остатки ночи, а хризантемы держат лепестки гордо, как самурайский стяг. Это неторопливый ритуал, молчаливый диалог с чемто, что глубже слов, — с самой сутью утра, когда граница между сном и явью ещё тонка, как рисовая бумага.

Как только поливка окончена, я завариваю чайник: терпкая сенча смешивается с сушёной цедрой мандарина. Аромат — цитрусовая горечь и травяной покой, густой, как туман над рисовым полем. В это время где-то высоко в ветвях заливается белощёкий скворец. Сейчас его ночные трели звучат скорее как задумчивое бормотание, последние строфы перед дневной тишиной, будто птица шепчет молитву уходящей темноте. Я пью этот горьковатый напиток и слушаю, как мир медленно выдыхает тьму, а первые лучи, пробиваясь сквозь листву, рассыпают по саду золотые монеты света. О йоге я уже и не вспоминаю — моя лень стала почти дзэн-буддистской практикой. Просто сидеть и слушать, не напрягая тело, позволяя тишине просачиваться под кожу.

Сегодня мне снова предстоит вкладывать в детские головы правила русского языка. Порой это похоже на попытку объяснить, почему пламя горячее. Почему «бык», «корова» и «телёнок» — это один вид? Для них это три разных божества, три стихии, каждая со своим характером и голосом. Когдато я смеялась, услышав исповедь китайки, не понимавшей разницы между осой и ослом. Теперь мне не до смеха. Иностранцы правда не видят этих связующих нитей, не чувствуют, как слова сплетаются в узор, похожий на вышивку по шёлку.

Но самое горькое — это мои ученики. Дети со слишком мудрыми глазами, которых готовят к «службе у Императора». За почётным названием скрывается путь тени: боевые искусства, стрельба, искусство допроса и выживания. Я учу их грамматике языка, на котором им, возможно, придётся добывать информацию, вымаливать пощаду или отдавать последний приказ. От этой мысли внутренности стягивает холодом, будто по жилам вместо крови течёт ледяная вода из горного ручья. Вдохнув, я поднимаюсь изза летнего столика. Пора собираться.

Первое — душ. Тёплая вода — мой утренний ритуал очищения не только тела, но и души. Я закрываю глаза, чувствуя, как тысячи тугих струек массируют голову, плечи, грудь, смывая с меня ночные видения, словно смывают тушь с кисти каллиграфа. Капли стекают по

¹ отдельно стоящее культовое сооружение культового характера, распространенное в странах Восточной и Юго-Восточной Азии

² с японского "вода"

коже, разбиваясь о девственнобелую гладь керамической ванны, и звук воды становится белым шумом, монотонным, как дыхание океана, смывающим остатки тревожных снов.

Воду я выключаю резким движением. Тишина звенит в ушах, острая, как лезвие катаны. Я неспешно оборачиваюсь в бархатное полотенце сливочного цвета, впитывая остатки влаги и это мимолётное чувство защищённости, хрупкое, как утренний иней на лепестках хризантемы.

В спальне на спинке стула (старая привычка, которая приехала со мной из Перми) висит моя одежда. Песочный комбинезон классического кроя. Мягкая ткань цвета выжженной пустыни, словно впитавшая в себя жар полуденного солнца. Никаких лишних деталей. Я надеваю его с лёгкостью, привычными движениями застёгивая ремешки, чувствуя, как ткань ложится по телу, как доспех, не сковывающий движений. У зеркала задерживаюсь лишь на секунду, чтобы коснуться губ оттенком засохшей розы — последний штрих, как финальная точка в хокку. Мой образ — последний штрих в этом спектакле нормальности. Я выхожу из дома.

Спуск с холма — отдельное путешествие не для слабых духом. Сотня ступеней, вырезанных прямо в камне, ведут вниз, в чрево города. Каждый шаг отдаётся гулким эхом, будто гора отвечает мне голосом предков. Затем — сквозной переулочек, пропахший сырým камнем и влажной глиной, запахом, который напоминает о древних гончарных мастерских. Я выхожу к старому фонтану. В его центре — Богиня Луны и мраморный карп. Священная рыба этих мест. Вода вокруг статуи всегда кристально чиста, горожане трепетно относятся к этому памятнику древних верований, принося сюда подношения из риса и цветов. Быстро покупаю в ларьке напротив сочную булочку, пахнущую корицей и тёплым тестом, и сажусь на бортик.

Нежная выпечка тает во рту, а журчание воды успокаивает встревоженную душу, убаюкивая её, как колыбельная. Я вымоталась на новой работе так, что уже сто раз пожалела о своём решении. Должность филолога в институте при правительстве — золотая клетка, сверкающая, но холодная. Но аренда дома мечты стоит немалых денег. Только этот контракт позволяет мне оплачивать и дом, и мимолётные хотелки, и редкие путешествия, когда удаётся вырваться из этого города, похожего на лабиринт из снов.

Солнце уже поднялось высоко. Вода фонтана превратилась в жидкое зеркало, отражающее голубую гладь небес и переливы лучей, рассыпая по поверхности тысячи солнечных зайчиков. Я засмотрелась на эту игру света, на то, как блики танцуют, словно духи фонарей на празднике Обон. И вдруг, в глубине, под мраморным брюхом статуи, мелькнуло золото. Живая быстрая рыба. Настоящий, огромный золотой карп, рассекающий воду стремительным движением, будто молния, упавшая в воду. Он смотрел на меня стеклянными бусинками, и в этом взгляде было что-то древнее, мудрое и бесконечно печальное. «Кто выпустил его в бассейн?» — пронеслось в голове. Я протёрла свои зелёные глаза. Открыла. Вода была пуста. Лишь солнечные блики дрожали на ряби, словно чешуйчатый дух растаял в ином измерении, оставив после себя лишь лёгкое покалывание на коже и запах озона, будто только что прокатилась летняя гроза.

— Сася Сереева... — раздалось за спиной шипящеласково.

От неожиданности я подпрыгнула, чуть не выронив остатки булки. Сердце зашло в груди пойманной птицей, громко и отчаянно. Я резко обернулась.

— Ичиро! — выдохнула я, прищурив глаза. Мой студент стоял, засунув руки в карманы форменных брюк. Тёмные волосы падали на азиатские глаза, скрывая их глубину. — Ты же умеешь правильно говорить. Зачем опять коверкаешь моё имя?

Он хитро улыбнулся, и в этой улыбке была какая-то небрежность юного мальчишки, прячущего за дерзостью смущение.

— Простите, Александра Сергеевна, — произнёс он идеально чисто, наслаждаясь каждым звуком, будто пробовал редкое вино. — Мне просто не хотелось, чтобы Вы сразу поняли,

кто это. — Он помедлил, склонив голову к плечу, и на мгновение в его взгляде промелькнуло что-то взрослое, тяжёлое, не по годам серьёзное. — Но я не ожидал, что напугаю Вас.

— Всё нормально, Ичиро. — Я бросила взгляд на часы. Без пятнадцати восемь. Мир снова стал обыденным, вернувшись в привычные рамки расписания и обязанностей. — Нам пора.

Я кивнула в сторону университета, мрачного здания с узкими окнами-бойницами, похожего на крепость, хранящую свои тайны за толстыми стенами. Поднявшись, я пошла вперёд, чувствуя спиной его взгляд, тяжёлый и внимательный, как взгляд стража у ворот. Мы вместе направились в образовательное учреждение, оставив позади старый фонтан. А меня не покидала мысль о золотом карпе, который явился мне пару минут назад. Но спустя некоторое время я нашла логичное объяснение — мираж, рождённый игрой света и усталости. И постепенно забыла про увиденное, отдавшись целиком своей работе, хотя где-то в глубине души шевельнулось смутное предчувствие, тонкое, как тень от лепестка, упавшего в воду.

Глава 2. Полумесяц

Несколько пар пролетели незаметно, растворившись в гуле голосов и скрипе мела, будто стёртые ластиком с доски судьбы. Пришлось изрядно постараться, чтобы вдолбить в эти юные головы новую тему — «числительные». Почему один и тот же знак меняет звучание в разных условиях, словно живое существо, подчиняющееся не логике, а настроению, капризному, как летний ветер, что сегодня шепчет, а завтра срывает листья с веток. Дети смотрели на меня своими серьёзными, слишком взрослыми глазами — в них читалась не детская покорность, а древняя усталость, будто они уже прожили десяток жизней. Они послушно записывали правила, которые, возможно, когда-то им пригодятся, а может, и нет, — и от этой мысли становилось тоскливо, словно я вкладывала зёрна в сухую, бесплодную землю.

Вот я уже выхожу из гнетущего чрева университета. Тяжёлые своды, давящие арки, вечный полумрак коридоров остаются за спиной, будто я выбираюсь из склепа, где время течёт иначе. В руках моя любимая бордовая сумочка, миниатюрная и преданная спутница, словно верный пёс, не задающий лишних вопросов. Открываю её и достаю телефон. Пора проверить сообщения, включить звук. На случай, если мне будут звонить.

Честно, я не люблю все эти гаджеты. Мне кажется, они лишь добавляют в нашу жизнь стресса и скребущей, беспричинной грусти, как песок, попавший под веко. Самый действенный антидепрессант — это природа, тишина и глоток вкусного чая, в котором растворяется весь мир. А телефоны... они выгоняют душу в тоску, заставляя её бесконечно скроллить чужие жизни, забывая о своей, будто подглядывать в чужие окна в тёмный вечер.

Экран ожил, высветив несколько пропущенных вызовов. Мама. Моя тёплая, вечно переживающая мама. Опять забыла, что разница во времени у нас — четыре часа, а не шесть. Сердце сжалось от нежности, горячей и острой, как глоток крепкого чая натошак. Я так скучаю по ней, что готова простить абсолютно всё: и эти звонки в моё ещё рабочее время, и бесконечные вопросы о здоровом питании, и советы носить шарф, если холодает, — ведь в каждом слове звучит любовь, грубоватая, но настоящая. Я нажимаю зелёную кнопку «перезвонить»... и замираю. Сети нет.

Странно. Ни разу такого не было с тех пор, как я переехала в этот город. Возможно, какой-то глюк, каприз техники, но в груди шевельнулось нехорошее предчувствие, тонкое, как тень от паутинки, дрожащей на ветру.

Гдето вдали раздались восторженные крики мальчишек. Я повернула голову и увидела, как мой коллега Акияма Накамура демонстрирует новый приём тайдзюцу. Его тело двигалось с плавностью воды и чёткостью клинка, сливаясь с ритмом города, будто он был не человеком, а воплощением самой стихии. Ребята гудели от восхищения, впитывая каждое движение, словно губки, жадно пьющие росу. Будущие тени Императора... Скоро их будут учить стрелять, а потом, возможно, и... Я выдохнула, не позволяя грустным мыслям портить мне настроение, и запрокинула голову к небу. Лёгкие облака медленно проплывали над городом, создавая причудливые фигуры, играя с моим воображением. Вот дракон, распускающий крылья, женский профиль, лепестки сакуры, обронённые ветром, — целый мир в небесной вышине.

Что ж, пора идти домой. Там я обязательно попробую позвонить маме снова. Может, сеть соизволит появиться, смилостивится над моей тревогой.

Я неспешно побрела по знакомым улицам, где каждый камень помнил мои шаги, словно старый друг, молча кивающий при встрече. Дойдя до фонтана, я замедлилась. Взгляд сам собой скользнул к водной глади. Утренний «мираж» — золотая чешуя в глубине — был лишь усталой галлюцинацией, игрой света на ряби, как блики от разбитого зеркала. Я всмотрелась пристально.

Ничего.

Только мраморный карп, застывший в вечном прыжке, Богиня, и блики закатного солнца на воде, рассыпанные по поверхности, словно золотые монеты, брошенные в дар богам. Что и требовалось доказать. Разум снова одержал победу над глупыми фантазиями, но победа эта была горькой, как недозревший плод.

Я уже хотела развернуться и уйти, как вдруг заметила коечто на дне. У самого основания скульптуры, среди россыпи мелких камешков и старых монеток, брошенных туристами на счастье, лежала странная вещица. Маленькая, тёмная, она не блестела, но словно... притягивала взгляд, манила, как тихий шёпот в пустой комнате.

Любопытство — мой вечный порок. Я закатала рукав комбинезона и опустила руку в прохладную воду. Пальцы сомкнулись на чёмто гладком и тёплом, что было странно: водато холодная, будто из горного ручья, бегущего сквозь тени. Я вытащила находку на свет.

Это оказалась нэцкэ³ — миниатюрная фигурка из тёмного, почти чёрного нефрита. Крошечный спящий кот с хвостом, обвивающим тело, и звездой на лбу. Размером с фалангу большого пальца. Резьба была тончайшей: каждый волосок шёрстки, каждая подушечка на лапах — всё дышало мастерством давно ушедших эпох, словно мастер вложил в неё частичку своей души. Шнурок, на котором когда-то держалась фигурка, давно истлел, рассыпавшись в прах.

Я повертела нэцкэ в мокрых пальцах. Кот с закрытыми глазами, казалось, улыбался во сне, и в этой улыбке было чтото успокаивающее, будто он знал какуюто великую тайну и готов был поделиться ею, если я научусь слушать тишину. По хребту пробежал отряд мелких мурашек, холодящих спину, словно ктото провёл по ней ледяной иглой.

И откуда он здесь?

Я смотрела на фигурку, и в груди разлилось тепло, словно я сделала глоток горячего чая в промозглый день. Я сунула находку в карман комбинезона. Дома разгляжу получше. Может, антиквар оценит — всё лишняя монета к аренде, чтобы продолжать жить в доме, который стал мне убежищем.

Я продолжила путь и уже подошла к лестнице, мысленно готовясь к ежедневному подвигу восхождения по сотне ступеней, что казались мне ступенями в иной мир... как вдруг слева засияло чтото яркое.

Я повернула голову. Переливы были невероятные: от нежноголубого и сиреневого до зеленоватожёлтого, словно ктото рассыпал северное сияние прямо здесь, в сердце города, нарушив все законы природы. Свечение манило меня, звало, как зов далёкого колокола, который слышишь только сердцем.

«Что же издаёт такой свет?» — мысль была короткой и жадной, острой, как вспышка молнии.

Я взглянула наверх, на бесконечную лестницу, представила, как ноют мышцы после каждого шага, как воздух становится гуще с каждым метром... Нет. Восхождение подождёт. Ноги сами понесли меня к источнику, отклонившись от привычного маршрута, словно подчиняясь не моей воле, а какомуто древнему инстинкту.

Но странное дело: чем ближе я подходила, тем мягче становился свет. Он угасал постепенно, словно боялся меня ослепить, будто был живым и осторожным. Это немного удивило, но не остановило. И вот передо мной возник вход — чёрный провал прямо в теле холма, на котором стоит мой дом.

Невероятно. Я исходила эти склоны вдоль и поперёк. Никогда раньше тут не было пещеры. Внутри чтото снова заискрилось, подмигивая мне из темноты, как хитрый глаз, знающий больше, чем говорит.

³ миниатюрная японская резная фигура

Было жутко. Мистический страх холодил затылок, пробираясь под кожу, словно ледяные пальцы. Но жгучий, всепоглощающий интерес пересилил, как пламя, пожирающее сырые дрова. Я шагнула вперёд, и тьма приняла меня, расступаясь, словно знала, что я приду.

Стены оказались гладкими, словно отполированными веками, будто их ласкали прикосновения бесчисленных поколений. В их чёрной глубине мерцала мелкая крошка полудрагоценных камней. Аметисты расцветали фиолетовыми искрами, авантюрины сияли зелёными звёздами, цитрины тлели каплями мёда. Они выстлали путь, чуть подсвечивая дорогу, словно приглашая идти дальше, обещая раскрыть тайны, спрятанные в недрах земли. Это невообразимо красиво. Мне не хватило бы всех слов мира, чтобы описать то, что я видела в этот момент, — это было как смотреть на рождение вселенной.

Пройдя шагов двадцать, я заметила, что камни сменились прозрачным хрусталём. Его холодный, чистый свет струился по стенам, словно лунные лучи, пойманные в ледяную ловушку, и от этого света становилось одновременно спокойно и тревожно, будто я стояла на пороге чего-то великого и опасного. Интересно, как это работает?

Вдали замерцало очертание воды. Подойдя ближе, я поняла — это подземное озеро. Голубое, чистое, как божья роса, собранная в чашу из хрусталя. В его глубине я увидела уже знакомого мне чешуйчатого гостя. Золотой силуэт скользил под водой, и в этот раз он не исчез. Я снова протёрла глаза, ожидая, что видение испарится, хотя после того, что я увидела ранее, надеяться на это было глупо. И реальность правда больше не слушалась, она изгибалась, как река, меняющая русло.

Карп взглянул на меня. Его глаза словно передавали человеческую тоску, утрату и боль, будто в них отразилась вся печаль мира. На мгновение мне показалось, что фигурка в сумке начала вибрировать, или всё же это телефон? Проверить не успела...

— Спасибо, что пришла, — раздалось за моей спиной.

Голос звучал как перезвон хрусталя и журчание ручья одновременно, чистый и многогранный, будто сотканный из тысяч звуков природы. Я резко обернулась, жадно схватив воздух от испуга, словно вынырнула из воды. Передо мной стояла белокурая дева. На её груди тускло мерцал полумесяц — не украшение, а, казалось, часть плоти, словно луна оставила на ней свой след. Волосы цвета лунного серебра были аккуратно собраны в высокую причёску, открывая изящную шею. Лилейное платье струилось и переливалось, словно вода под лунным светом, и было непонятно — ткань это или жидкий металл, послушный воле хозяйки.

Я открыла рот, чтобы спросить: кто она? Где я? Что это за место? Слова уже рождались на языке, острые и нетерпеливые...

Но не успела. Тело вдруг налилось свинцовой тяжестью, будто на него наложили невидимые цепи. Веки опустились, неподвластные моей воле, тяжёлые, как каменные плиты. Ктото подхватил меня тёплыми, невероятно нежными руками, и последнее, что я ощутила, — это чувство парения и покоя, словно меня укутали в облако. Мир закружился, звуки стихли, слившись в единую мелодию тишины, и я погрузилась в глубокий, сладкий сон, где границы между явью и мечтой растворились без следа.

Глава 3. Когда умирает порядок

Я иду сквозь холодный туман — он густой, словно взбитые сливки, пропитанные запахом сырой листвы и остывшего пепла. Он липнет к коже, забивается в лёгкие, оседает на ресницах ледяной росой, и каждый вдох царапает горло, будто я глотаю осколки инея. Каждый шаг даётся с трудом, будто невидимые руки пытаются удержать меня, утянуть обратно в беспмятство, в вязкую тьму, где нет ни времени, ни имён. Но чем дальше, тем легче идти: пелена редет, расползается рваными клочьями, открывая прорехи в иной мир. Впереди забрезжил мертвеннобледный, дрожащий свет — как пламя свечи на сквозняке, что вотвот погаснет, но упрямо цепляется за жизнь.

Я выхожу на открытое пространство и замираю, потрясённая, чувствуя, как под кожей пробегает дрожь, а сердце сбивается с ритма, будто птица, бьющаяся в тесной клетке. Передо мной колоссальный экран, сотканный из чистой, переливающейся пустоты: он мерцает оттенками индиго, аметиста и угольночёрного, словно ткань, сотканная из тишины между ударами сердца. Он висит в воздухе без опор и креплений, нарушая все законы физики, и от него веет древним холодом, запахом высохших чернил и старых свитков, где записаны судьбы, которые никто не смеет перечитывать. А за ним... пузыри. Тысячи, миллионы, миллиарды сфер. Большие и малые, они парят в бесконечном вакууме, лишённом гравитации, сталкиваются, расходятся, лопаются и рождаются вновь — как дыхание мира, прерывистое и неровное.

— Что это? — вырывается у меня шёпотом, сухим и ломким, будто голос проржавел от долгого молчания.

— Не бойся, — раздаётся слева.

Голос убаюкивающий, сладкий, обволакивает, словно тёплый бархат, пропитанный ароматом сандала и нагретого на солнце кимоно. Так говорят с испуганными детьми или с теми, кто сильно напуган, — тихо, ровно, чтобы не спугнуть остатки храбрости.

— Ты спишь. И твоим сном управляю я, Хранитель Баланса.

Слева что-то шевельнулось, и воздух на мгновение сгустился, будто реальность на секунду загнулась. Я поворачиваю голову. Передо мной стоит чёрный кот. Огромный, размером с волкодава, но в его движениях — не звериная тяжесть, а текучесть воды, скользящей по камням. Шерсть его — не просто чёрная, а цвета абсолютной тьмы, той, что была до рождения звёзд, до первого удара барабана, возвестившего о начале мира. На лбу светится знак, напоминающий многоконечную звезду, и от него исходит холодное, потустороннее мерцание, похожее на отсвет далёких северных огней. Глаза, как две капли полярной ночи, смотрят на меня — не мигая, не моргая, будто видят не только моё тело, но и тени всех моих прошлых жизней.

Я инстинктивно тянусь к сумочке, пальцы судорожно шарят в пустоте. Но хватают лишь воздух, холодный и пустой, как забытое обещание. Конечно, откуда тут мои вещи. Это же сон. Или что-то большее, чем сон.

— Что это за место? — я заставляю себя не отвести взгляд, хотя хочется зажмуриться, спрятаться, стать маленькой и незаметной, как камешек у обочины дороги.

— Межмирье, — кот смотрит внимательно, считывая мою реакцию, словно читает иероглифы на моём лице. — Здесь встречаются прошлое, настоящее и будущее. Они сплетаются, как нити в ткани, и иногда рвутся, если кто-то тянет слишком сильно.

— То есть эти пузыри...

— Миры. Судьбы. Жизни, — он подходит ближе, и с каждым его шагом воздух сгущается, пропитываясь знакомым кислomандариновым запахом — таким, какой бывает в старом саду после дождя, когда капли срываются с листьев и пахнут одновременно горечью и надеждой. — Те, что жёлтые и совсем крохотные, — это судьбы животных. Искры короткие, но яркие, как вспышка светлячка в августовской ночи. Чуть больше, салатные, — люди. Они

мерцают теплее, будто в них тлеет уголёк, который можно раздуть в пламя. Оранжевые, среднего размера, — города. За каждым миллионы голосов, сплетающихся в гул, похожий на шум прибоя. Синие, крупные, — страны, империи, королевства. А красные...

— Миры, — договариваю я, и слово ложится на язык тяжёлым камнем.

— Да. Целые миры. Их мало, и каждый — драгоценен, как редкий нефрит, который хранят за семью замками.

Я смотрю на экран как заворожённая, чувствуя, как реальность вокруг становится тонкой, как рисовая бумага, которую можно проткнуть пальцем. Сферы плывут в пустоте, словно планеты в бескрайнем космосе, сталкиваются, сливаются, гаснут. Рождаются новые, и в них уже иные лица, иные города, иные войны — как страницы в книге, которую листает невидимая рука. Прокручивая в голове услышанное, я вдруг замечаю то, о чём он умолчал.

— А фиолетовые?

— Их видят только Избранные, — произносит он с расстановкой, и каждое слово звучит как удар гонга. — Фиолетовые — судьбы Богов и магических существ. Тех, кто стоит над смертью, но подвластен вечности. Они не умирают, но могут быть забыты — и это страшнее любой могилы.

Я хочу усмехнуться. Я? Избранная? Придумал тоже. Но улыбка не приходит. Слишком серьёзен этот зверь. Слишком тяжело его внимание, словно на плечи легли каменные плиты древнего храма.

— Знаю, о чём ты думаешь, Александра, — он выдерживает паузу, дожидаясь, пока я посмотрю в его глаза, чёрные, как полярная ночь, в которой не видно даже собственных слёз. — Позволь кое-что тебе объяснить. Помнишь, когда ты закончила институт и не могла долго найти работу в Перми? А потом вдруг пришло письмо из чужой страны. Хорошая должность. Высокая зарплата. Ты ещё удивилась: кому мог понадобиться филолог русского языка за тысячи километров от дома?

— И что с того?

— А потом тебя лично сопровождали странные люди. Они представились императорской гвардией. Высокие, в тёмной форме, с масками на лицах, похожими на лики древних ками. Помнишь?

— Конечно, помню.

— Всё это было подстроено мной. Каждый твой шаг. Каждое решение. Ты здесь, потому что я привёл тебя сюда.

Холодок пробегает по позвоночнику, пробираясь под кожу, как ледяной ветер, гуляющий по пустым коридорам заброшенного дома. Не страх, хуже — осознание, что мной играли, как куклой, дёргая за невидимые нити. Я словно марионетка в руках говорящего кота, и самое страшное — я не знаю, какой танец мне предстоит станцевать. Я хотела бы засмеяться от глупого, фантастического положения, но почемуто сейчас мне было не до смеха. В конце концов, мне неизвестно: зачем я ему?

— Для чего ты меня привёл?

— Скоро узнаешь.

Кот поворачивается к экрану. Из глубин пустоты к нему медленно подплывает огромный фиолетовый пузырь — самый большой из всех, что я видела. Он светится изнутри глубоким, аметистовым светом, и от него исходит лёгкий звон, будто где-то далеко перебирают хрустальные колокольчики, подвешенные на тонких шёлковых нитях.

Пузырь приближается, и я вижу картину неземной красоты. Огромный бассейн, выложенный акваарином такой чистоты, что вода в нём кажется жидким небом, в котором отражаются все рассветы мира. Вокруг прекрасный парк: сакура в цвету, лепестки которой кружатся в воздухе, как розовые снежинки; магнолии, тяжёлые от аромата, густого и сладкого, словно мёд; глицинии, свисающие фиолетовыми водопадами. Лепестки кружатся в воздухе, подхваченные

тёплым ветром, пахнущим цветущей сливой и дымом ритуальных благовоний. Вдали, над скалами, низвергается колоссальный водопад, и над ним сияет мост из чистого, яркого света — радуга, сплетённая из солнечных лучей. Пёстрые птицы летают стаями: павлины, чьи хвосты вспыхивают изумрудными и сапфировыми искрами; райские мухоловки, лёгкие, как дыхание; алые ибисы, похожие на живые языки пламени. Под одним из деревьев отдыхают спокойные и величественные белоснежные аисты, словно стражи тишины. А слева, венчая пейзаж, высится дворец из белого камня и перламутра, с башнями, уходящими в самое небо, будто стремясь дотянуться до звёзд, которые здесь кажутся ближе, чем где-либо.

— Это дворец Создателя и Богини Луны, — поясняет кот, и в его голосе я впервые слышу грусть, глубокую и древнюю, как тоска по утраченному раю. — Красиво, не так ли?

Я киваю, замороженная, чувствуя, как сердце сжимается от восторга и боли одновременно — так бывает, когда видишь нечто настолько прекрасное, что оно ранит. У меня нет слов, такой красоты я никогда не видела. Если бы рай существовал, то, скорее всего, он выглядел именно так.

— А теперь смотри, — голос его становится мрачнее, и в нём проскальзывают нотки страдания, похожие на скрип старых ворот, которые не открывали сто лет.

В бассейне плавают два карпа. Один — рыжий, цвета пламени и закатного солнца, будто впитавший в себя все огни мира. Второй — серебряный, как лунная дорожка на воде, холодная и спокойная, отражающая все тайны ночи. Они движутся по кругу, и в их танце я узнаю извечный символ: Инь и Ян. Две половины единого целого, сплетённые в вечном движении.

Неожиданно сгущается тёмная думка, и из неё выскальзывает тень. Она, как чернильная клякса, расползается по райскому саду, пожирая краски, превращая алый в серый, зелёный в пепельный. Бесформенная, безглазая, она пронесётся над водой, и мир замирает, словно задержав дыхание, боясь даже шелохнуться. Никто не успевает даже вскрикнуть.

Серебряная рыба вздрагивает и переворачивается кверху брюхом. Мгновение. Одно короткое мгновение — и её нет. Она мертва.

Тень исчезает так же быстро, как появилась. Будто её и не было.

Я прижимаю ладонь ко рту, чувствуя, как тошнота подкатывает к горлу, а в груди взрывается ужас, дикий и необъятный, пронзающий каждую клетку тела, словно тысячи ледяных игл. Я вижу, как цветы на деревьях начинают осыпаться чёрным пеплом, тяжёлым и безжизненным, как память о сгоревшем доме. Птицы падают с веток, как подкошенные, их крылья бессильно хлопают по воздуху, не находя опоры. Вода в бассейне мутнеет, становится серой и мутной, словно в неё вылили чернила, и от этого запаха — гнилой воды и тлена — хочется кричать. А по белоснежному замку бежит глубокая трещина, словно шрам на лице реальности, уродливый и неизбежный.

Через мгновение мёртвая рыба меняет очертания. И вот на воде уже не карп, а белокурая девушка. Её серебряный костюм меркнет, тускнеет, будто свет покидает его, оставляя лишь холодную тень.

Второй карп обращается высоким мужчиной. Рыжие волосы разметались по плечам, как языки пламени, готовые сжечь всё вокруг. Он склоняется над ней, хватая за плечи, трясёт, будто пытается вернуть её к жизни одним лишь усилием воли. Когда мужчина понимает, что она больше не проснётся, издаёт крик. Такой истощённый, полный нечеловеческой муки, что мою грудь пронзает невообразимое ощущение потери, словно у меня вырвали часть души, словно убили не её — меня.

Он поднимает глаза к небу. И я узнаю этот взгляд — тот самый, что видела в карих глазах мужчины в пещере, полный скорби, в которой запечатана вся боль мироздания.

Девушка растворяется в воздухе горстью серебряной пылицы, уносимой ветром, пахнущим дождём и утратой.

Я медленно поворачиваюсь к Хранителю Баланса. По его чёрной морде пробегают гримасы острой горечи, от которой становится не по себе, будто сама реальность морщится от боли. На длинных усах дрожат и застывают солёные капли. Слёзы. Он плачет.

— Что произошло? — всхлипывая, спрашиваю я. Слёзы текут и по моим щекам, горячие и солёные, как море, которое никогда не успокаивается. — Кто они?

— Это Хаос и Порядок, — голос кота звучит глухо, надтреснуто, словно старый колокол, в который ударили слишком сильно. — Они поддерживали Баланс всех миров. Вселенной не нужны ни добро, ни зло. Ей нужно равновесие. И они были этим равновесием. Но Порядка больше нет.

Он замолкает, глядя на погасший фиолетовый пузырь, и тишина становится такой плотной, что её можно резать ножом.

— И скоро Хаос поглотит всё. Всё, что ты видишь, обратится в пустоту.

— Подожди, — мой голос дрожит, срывается, звучит жалко и отчаянно. — Ты хочешь сказать, что этот... этот прекрасный мужчина погубит всех?

— А что бы ты сделала, потеряв часть себя? — кот медленно переводит на меня взгляд, и в нём я вижу отражение всех своих страхов. — Самое дорогое, что у тебя есть. Половину души. Что бы ты сделала, Александра?

Я не отвечаю. Да и не надо. Я понимаю, что он имеет в виду. Но одно остаётся неясным.

— А я тут при чём? — голос мой срывается, звучит тонким и ломким, как треснувшее стекло. — Я же не могу воскресить Порядок и исправить всё, что произошло.

— И да, и нет, — кот смотрит мне за спину, куда-то в сгущающийся мрак, который дышит, шевелится, ждёт. — Пора возвращаться.

Густой и удушливый туман набрасывается на меня хищной волной, обволакивая, поглощая, стирая границы. Тело наливается свинцом, и я чувствую что-то странное, словно душа медленно возвращается в свою брэнную оболочку, как усталый путник, возвращающийся в холодный дом. Где-то вдалеке, на границе слышимости, доносится диалог, приглушённый, будто сквозь толщу воды.

— Зачем ты погрузил её в сон? — голос девы звучит расстроенно, в нём дрожит упрёк, острый и болезненный.

— Мне виднее, — отвечает Хранитель. Голос спокойный, но в нём чувствуется усталость, глубокая и всепоглощающая, как океан.

— Тебе уже было виднее, когда ты не уследил за равновесием, — в словах уже не было упрёка, только тоска, такая же древняя, как сами звёзды.

— Зачем ты так, — тихо, надломленно отвечает собеседник. — Я всё исправлю. Обещаю.

Я медленно открываю глаза. Приходится приложить усилие, словно веки склеены слезами и страхом.

Надо мной своды пещеры, усеянные хрусталём, который мерцает, как застывшие слёзы луны. Мягкий свет струится по стенам, переливаясь всеми оттенками утреннего неба. Я лежу на чём-то тёплом, пахнущем нагретым камнем и сухими травами. Чувствую, как чужие руки бережно поддерживают мою голову, удерживая меня между мирами. Прямо на меня смотрят полные скорби карие глаза. О, как они прекрасны! И как глубоки. Словно в них запечатали всю боль мироздания, все невыплаканные слёзы, все несбывшиеся надежды. По моей щеке соскальзывает слеза, холодная и одинокая.

Мужчина поднимает руку и бережно стирает её большим пальцем с моей кожи. Прикосновение обжигает, будто по коже провели раскалённой иглой, и в этом ожоге — вся правда, которую я не хотела знать. И я понимаю: я знаю эти глаза. Они прес

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.